

71. „Ворона“. [О неправомъ судѣ птицѣ].

Всѣ напечатанныя выше сказки Котельническаго уѣзда записаны мною осенью 1908 года. Кромѣ того, я записалъ нѣсколько сказокъ въ Котельническомъ уѣздѣ лѣтомъ 1902 года; но эти записи, — равно какъ и записи сказокъ въ Яранскомъ уѣздѣ лѣтомъ 1901 года, — затерялись при моихъ частыхъ переѣздахъ съ квартиры на квартиру въ Петроградѣ. Нѣкоторыя данныя объ этихъ моихъ записяхъ изложены мною въ статьѣ „Сказка о неправомъ судѣ“ (Живая Старина, 1903, стр. 404 — 408). Полностью сохранился лишь текстъ одной сказки о неправомъ судѣ, которую я здѣсь и перепечатаваю изъ „Живой Старины“, только съ исправленіемъ допущенныхъ тамъ опечатокъ.

Сказка о неправомъ судѣ у птицѣ записана мною отъ слѣпного старика Кузьмы Михѣева, въ селѣ Юрьевѣ Котельническаго уѣзда. Михѣевъ — крестьянинъ этого села, дальше своего уѣзднаго города Котельнича не бывавшій во всю свою жизнь. Это совсѣмъ не сказочникъ: онъ знаетъ только одну эту сказку, и больше никакихъ. Свой „рѣзсказъ — Ворона“ (такъ называетъ Михѣевъ свою сказку о неправомъ судѣ птицѣ) онъ выслушалъ еще въ молодости, въ гор. Котельничѣ, отъ неизвѣстнаго человѣка, вмѣстѣ съ которымъ они „кроили жито“ (просѣвали хлѣбъ въ зернѣ) у купца. Выслушавъ сказку, Михѣевъ сразу „пднялъ“ (запомнилъ) ее и прекрасно помнитъ до сихъ поръ.

1. Жилъ да былъ старикъ съ мужемъ. Поѣхалъ объ Оеонасьевѣ дни въ гости со старухой. Сѣли рядомъ, стали говорить ладомъ. Ъхали-попоѣхали, по ногамъ дорѣгой. Хлебѣсь кобылу бичѣмъ троеузылымъ. Угналъ, *начѣю*, вѣрсть петь-шесть, оглянѣлса: тутъ и есь (ешѣ и съ мѣста не подалса). Дорѣга худая, гора крутая, телѣга немазанная.

Ъхалъ попоѣхалъ, до бору доѣхалъ. Въ бору стойтъ семь берѣс, восьмая сѣсна, вѣловата. На той сѣснѣ вѣловатой кокушечѣ-горюшечѣ гнѣздо свила и дѣтей свелѣ. Негдѣ взелась *скоробогатая* птиця, погумѣнная сова-сѣры бока, голубыѣ глаза, портендѣ подоплѣчѣ, сукѣнной заво-

ротникъ, нось крючкомъ, глаза по лошкѣ, какъ у сердитой кошки. Гнѣздо розорила и дѣтей спогубила и въ землю схоронила.

2. Пошла кокушечѣ, пошла горюшечѣ съ прѣзбой къ зую праведному. Зуй праведной по песочку гуляеть, чюлѣчки обуваеть, сыромѣтныѣ котѣ. Нарежаеть синочку-россылочку, воробушка-десятника къ царю-лебедю, къ гусю-губернатору, павину-архирѣю [вар.: филину], коршуну-исправнику, грачю-становому, къ ёстребу-уряднику, къ тѣтереву польскѣму-старостѣ мѣрскѣму.

Собрались фсѣ чиновники и начѣльники: царь-лебедь, гусь-губернаторъ, павинъ-архирей, коршунъ-исправникъ, грачь-становой, ёстреп-урядникъ, тѣтеревъ польскѣй — староста мѣрскѣй, синочка-россылочка, воробѣй-десятникъ, и изъ уѣзднова суда тайна полиція: сычъ и сова, орѣлъ и скопѣ, — што есь на бѣломъ свѣтѣ за скоробогѣтая птичя, погумѣнная сова, бѣлы бока, голубѣѣ глаза, портенѣе подплѣчье, суконной заворотникъ? — И добрались, што ворона.

3. И присудили ворону наказать: стрехнѣли ко грѣткѣ ногѣмъ и зачѣли сѣкчи по мѣккимъ мѣстамъ, по ледвѣямъ. И ворона возмолилася: „Каръ каратѣйтѣ, мое тѣло таратѣйтѣ, никакихъ вы свидѣтелей не спрашѣйтѣ!“ — „Хто у тя есь свидѣтель?“ — „У меня есь свидѣтель воробѣй“. — „Знаѣмъ мы твоѣва воробѣя, ѣбедника и клѣветника и потакѣфшыка. Хресъяннинъ поставилъ нову ѣзбу, — воробѣй прилетитъ, дыръ навертитъ; хресъяннинъ избу затопляеть, тепло въ избу пропушѣаеть, а воробѣй на ѣличю выпушѣаеть... Неправильнова свидѣтеля сказала ворона!“ — И ворону наказываютъ пѣшѣ и тово.

И ворона возмолилася: „Каръ-каратѣйтѣ, мое тѣло таратѣйтѣ, никакихъ вы свидѣтелей не спрашѣйтѣ“.

— Хто у тя есь свидѣтель?

— У меня есь свидѣтель — жолна.

— Знаѣмъ мы твою жолнѣ, — ѣбедничю, клѣветничю и потакѣфшичю! Стоитъ въ раменьѣ липа, годицца на бѣжей ликъ и на 'коностаѣ. Жолна прилетитъ, дыръ навертитъ; дошъ пошолъ, липа изгнила, не годицца на 'коностаѣ; послѣ тово и лопаты изъ неѣ не здѣлати. Неправильнова свидѣтеля опѣтъ сказала!

И пұшшэ тово ворону стегаютъ по ледвеймъ и по переткѹ.

Опѣтъ ворона возмолилась: „Каръ-каратайтѣ, мое тѣло таратайтѣ, никакихъ вы свидѣтелей не спрошайтѣ!“

— Хто у тя есь свидѣтель?

— У меня есь свидѣтель послѣдней, — дѣтель.

— Знаѣмъ мы твоево дѣтеля — ябедника, клѣветника и потакѡфшика! Хресьянинъ загородилъ новой огорот: и дѣтель прилетѣлъ, жертъ передолбилъ, и двѣ передолбилъ, и три передолбилъ: дош пошолъ, огорот россѣлся и розвалился: хресьянинъ скотѧ на ўличю выпускаетъ, дѣтель ф полѣ пропушшаетъ.

4. И ворону наказали, отъ *грятки* отвезали. Ворона крылышка разбросала, лапѡчки роскидала... — „Изъ-за кокѹшечи — изъ-за горюшечи, изъ-за ябедничи я, ворона-праведничи... Нечѣмъ хресьянина не обиждѧю: по утру рано на гумнѣшкѣ вылетѧю, крылышкамъ розметаю, лапѡчкамъ розгребаю, — тѣмъ себѣ и пѣшшу добываю! — Она кокѹшечя, она горюшечя, она ябедничи, она клѣветничи! Хресьянинъ нажалъ одинъ суслѡнъ, — кокѹшечя прилетѣтъ, и тотъ одолбитъ! большэ тово подъ ноги спѹститъ!...“

И выслушали [судъ] воронины слова. И ворону потхвѧтили, въ красной стулѣ посадили. Кокѹшечю-горюшечю, въ наказаніе ей, ф тѣмной лѣсѣ отправили на триччѣтъ лѣтъ, поглѣнечя, — живи весь вѣкъ! И топѣре кокѹшка въ лѣсѹ проживаетъ, и гнѣзда не знаетъ.